

Красняков Николай Иванович

УКРЕПЛЕНИЕ ИМПЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО СВЯЗИ С ЭТНОСАМИ И ТЕРРИТОРИЯМИ

В статье анализируется логика процесса взаимодействия государства и этносов в контексте государственного управления империей периода XVIII - начала XX в. При этом акцентируется внимание на авторском подходе к пониманию категории "империя" и особых свойствах имперской государственности. Выделены их следующие группы: общественно-экономические, социальные, публично-политические, правовые, социокультурные.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 127-130. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Теперь экономика, раньше включавшаяся в единство космического или заведенного Богом хозяйства, замыкаясь относительно космического или божественного закона, изолируется в самостоятельную реальность самоорганизующегося взаимодействия экономических монад. Длань Господня, что блюла в Средневековье благодатную справедливость между потреблением и трудом, отныне замещается, по словам британского политэконома Адама Смита, «невидимой рукой» рыночного механизма, который устанавливает автономный баланс между платежеспособным спросом и конкурентоспособным предложением. Помимо этого, принципы экономической самобалансировки проникают в другие человеческие практики, рационализируя собой политику и культуру.

Список литературы

1. Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. М., 2006. 742 с.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. 545 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). Формирование научных программ Нового времени. М., 1987. 447 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб., 1992. 444 с.
6. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Критика способности суждений. СПб., 2001. 512 с.
7. Кагасонов В. Н. Метафизическая математика XVII в. М., 1997. 295 с.
8. Салынский Д. Киногерменевтика Тарковского. М., 2009. 576 с.
9. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник. М., 1991. 192 с.

ONTOLOGICAL INITIATIVE OF MODERN CAPITALIST ECONOMY

Oleg Konstantinovich Koshmilo, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Political Science
St. Petersburg Trade and Economic Institute
koshmilo-ok@yandex.ru

The author considers the problem of modern capitalist economy ontological initiative, when the fundamental economic principle of supply and demand balance coincides with the immanent principle of subject autonomy.

Key words and phrases: subject; thinking; centre; transcendence; immanence; balance; demand; supply; price; goods.

УДК 34(09)

В статье анализируется логика процесса взаимодействия государства и этносов в контексте государственного управления империей периода XVIII – начала XX в. При этом акцентируется внимание на авторском подходе к пониманию категории «империя» и особых свойствах имперской государственности. Выделены их следующие группы: общественно-экономические, социальные, публично-политические, правовые, социокультурные.

Ключевые слова и фразы: империя; этносы; поликонфессиональность; сословность; институционализация.

Николай Иванович Красняков

Кафедра теории и истории государства и права
Сибирская академия государственной службы
kofe51@yandex.ru

**УКРЕПЛЕНИЕ ИМПЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ
ЕГО СВЯЗИ С ЭТНОСАМИ И ТЕРРИТОРИЯМИ[©]**

Исследователями XXI в. отмечается парадокс в том, что новейшие работы в области имперского периода истории государств часто характеризуются тенденцией к рассмотрению империи как структуры властных отношений и определенных социальных и культурных иерархий, но редко обнаруживается стремление установить, «каким образом возникает и сохраняется империя как пространство опыта, открытий и взаимодействия» [5, с. 12]. Однако стоит отметить, что в историко-правовых исследованиях данная проблема существенно актуализирована соответствующими дискуссиями не первый десяток лет, хотя еще и не появились научные труды комплексного характера.

В развитие уже изданных моих работ [2-4] полагаю, что империя представляется отдельной формой государства со специфическими свойствами: 1) формы правления, соединяющей в себе наследственность власти не только монарха единого государства, но и его же как царя-князя самобытных частей империи, что влечет необходимость создания дополнительных институционально оформленных уровней высших государственных

органов; 2) государственного устройства, которое в империи сопряжено с асимметричным распределением публичной власти в едином государстве и с различной степенью автономизма применительно к территориям, прежде всего, уже имевшим опыт государственно-политического развития в рамках других политических сообществ, и иным частям империи; 3) политического режима, допускающего неравные права подданных различных этносов в рамках единой сословной организации, при этом одновременно народное представительство и конституционные средства в государственном управлении отдельными регионами единого государства.

Соответственно, при обнаруженной специфике имперская политико-правовая модель организации «власти – населения – территории» сложно поддается оценке с позиций классической формы государства, и потому значимость оценочного момента в данной проблематике особенно возрастает. И следует признать, что такой необходимый субъективистский подход всегда будет связан с ценностями в определенный исторический период развития государства и права, а от этого будет зависеть наше отражение сущности, закономерностей и тенденций их развития, идеологии и направлений реализации государственного управления. Только в совокупности с предшествующим цивилизационным развитием имперских государств, характеризующимся сочетанием идеологической составляющей государственности в многоукладном социуме и размытым соотношением права – обычая – религии, удастся четко обозначить влияние имперского фактора на регулирование практики центрального, регионального и местного управления. Следовательно, в ситуации возможного присутствия в империи одновременно признаков нескольких форм правления, государственного устройства и политического режима есть смысл в более высоком уровне типизации государственно-правового материала и выделении империи еще и как особого типа государства, включающего различные общественно-экономические формации, или же как типа государства-цивилизации.

Думается, что империя как тип государства обладает следующими основами, имеющими взаимообусловленную динамику: 1) общественно-экономические – хозяйственная многоукладность, а потому на начальном этапе формирования империи имеется незначительная потребность и возможность создания единого экономического пространства и государственного регулирования гражданских правоотношений собственности в завоеванной периферии и вытекающих из них социальных процессов, но по мере ее политического «освоения», достижения стабильности в реализации контрольно-регулирующей функции в новом крае, увеличения территории империи и, соответственно, потому удаления этих регионов от центра, линия усилий центральной власти от административных дел смещается в общем направлении консолидации экономически значимого населения; 2) социальные – сложность выделения иерархий и определения различного рода общественных структур в пределах государства – аристократических и правящих элит, производственных и привилегированных корпораций, сословных групп по причине отсутствия общей региональной политики в империи и следования ее принципу «разделяй и властвуй» на основе различного объема прав и обязанностей населения регионов империи, при том, что и структура государственного управления не едина – управление осуществляется общими, специальными, особенными, исключительными правительственными учреждениями; 3) публично-политические – увеличивающий дуализм государственного управления по мере динамики целей (присвоение территорий – народная колонизация – интеграция), включающий самодержавную централизацию-унификацию в совокупности с децентрализацией, деконцентрацией и даже в случае вынужденной необходимости поддержания государственного единства некоторую деволуцию власти в отдельном регионе с опорой на местные элиты; а также в целом наличие нескольких «вертикалей власти» в зависимости от объема полномочий административных систем в территориях, обусловленное геополитическими факторами, что в итоге позволяет охарактеризовать его как эволюционирующее в стабильных условиях в государственно-регионалистское именно в ходе практики правоприменения субъектов административной системы государства; 4) правовые – территориально-законодательное устройство в классический период развития имперского пространства включает «право империи», с одной стороны, с другой – «право народов» – партикулярное, преимущественно обычное право отдельной местности, почти не применяющее общее законодательство даже на уровне субсидиарного, и, наконец, имплементация международно-правовых норм; причем по мере постепенной ликвидации местного права империя вступает в полосу кризиса; 5) социокультурные – борьба народов за сохранение территориального автономизма в религии, языке и традициях в условиях признания общеимперской доминанты – подданства и господствующей правовой идеологии великодержавия и служения или правителю, или государству, или нации. С каким из этих признаков связывать окончательное оформление имперской государственности – вопрос проблематичный, то есть имеющий различное решение применительно к империям различного исторического времени человечества.

Следует исходить из того, что со времени присоединения Казанского и Астраханского ханства Русское государство вступило на путь инкорпорирования заселенных нерусским населением территорий и трансформации инородных, прежде всего по признаку религии, политических сообществ в рамках формирующейся централизованной государственности. Выражением данного процесса стали постепенное изменение названия «Русь» на «Россия», принятие титула «царь», провозглашение идеологии суверенности правителя, его сакральной власти по образцу Византии и подчинения себе новых и новых присоединенных территорий. Завоевание земель концептуализировалось в рамках «царского удела», и потому верховная власть уже своим решением позволяла в определенной мере местным элитам управлять территориями и сохранять традиции, право и религиозные воззрения в рамках внутреннего административного устройства, а дальнейшая логика империостроительства обычно приводила к кооптации местных элит в состав государственных служащих империи. Итак, если понимать под империей крупную сложносоставную державу, состоящую из объединенных и подчиненных территорий, которая обладала универсальной идеологией и где центр контролировал периферийные территории с культурно иным населением, то важное значение приобретает вопрос взаимоотношения элит.

Традиции и практика империостроительства приводили к тому, что гораздо чаще имперский центр прибегал к политике кооперации с иноэтничными элитами, с помощью которых контролировались и управлялись вновь присоединяемые территории. Стратегия кооперирования и рамки автономизма, предоставлявшегося элитам периферии, определялись и изменялись в каждом случае индивидуально, для каждой отдельной окраинной территории. Изменения имели место в том случае, если периферийные элиты отказывали в лояльности верховной власти, ища покровительства у других государств, оказывали имперскому центру вооруженное сопротивление или интегрировались в среду культурно доминантной элиты и растворялись в ней. Отметим, однако, что недостаток компетентных лиц среди доминантных центральных элит делал империи зависимыми от готовности иноэтничных элит сотрудничать в сферах управления и контроля над периферией, а также частично – в военной и бюрократической областях. Поэтому, как правило, за местными элитами сохранялись их права и привилегии (владение землей, местная юридическая система, самоуправление, свобода вероисповедания). Взамен верховная власть требовала от них исполнения военной и гражданской служб, а также обеспечения сбора налогов на местах. Логика процесса кооптации включала в себя создание структурных предпосылок – формирование землевладельческого дворянства, тогда иноэтничные элиты независимо от их конфессии и языка кооптировались в имперскую элиту или потомственное дворянство. Если же таких условий не создавалось – элиты выступали против, то они лишались сословного управления, например в Остзейских губерниях России. Обобщая сложившуюся практику взаимодействия центральной власти с элитами периферии, отметим, что она формировалась с учетом политико-правового уклада присоединяемых территорий, а потому существенно отличалась применительно к восточным, южным и западным окраинам.

Другой элемент имперского управления – сословная организация социума единого государства для русской и инородной бюрократии, по долгу службы наиболее между собой вовлеченных в основные общественные отношения – по предметам собственности, приводила к стиранию границ между элитами, особенно между исповедывающими одну религию. При этом на сохранявших племенную, этническую и религиозную идентичность крестьян и кочевое население, в частности Сибири, Закавказья и азиатских владений, интеграция почти или вовсе не распространялась. Отметим, что в контексте процессов унификации, систематизации и централизации государственного управления начиная с XVIII в. происходит переход к стратегиям, позволявшим более крепко привязать периферийную элиту к центру. Однако в изменившейся геополитической ситуации в Европе конца XVIII в. происходит очередной возврат к политике гибкой интеграции – с началом правления Екатерины II центр переходит к политике кооперации с духовными элитами неправославных конфессий, стремясь к укреплению собственного господства на окраинах и пресекая нежелательные контакты имперских окраин с соседними государствами. Если в допетровской России существование нехристианских общин допускалось, то при Петре I лютеранская церковь остзейских провинций получает уже официальное признание. В территориях, где местное управление концентрировалось в традиционных структурах религиозной мусульманской общины, с учетом того, что «исламский фактор» являлся для России составным элементом системы внешнеполитических отношений с Турцией и Ираном, с екатерининского времени верховная власть стала включать их представителей в различные имеющиеся в монархии сословия и сословные группы (дворянство, купечество, казачество и др.) с распространением на них соответствующих прав и обязанностей [1, с. 7]. В итоге имперский центр России создавал ситуацию возможности сотрудничества с духовной элитой региональных и этнических недоминантных конфессий, а потому иерархии других вероисповеданий должны были легитимировать сакральную власть верховной власти на периферии.

Можно утверждать в итоге, что в империях как особом типе государства складывается определенная линия в отношениях «государство – этнос», когда сложносоставной социум находил выражение в множественности этноконфессиональных групп. Направленная на упрочение принципа, хотя и ограниченной, веротерпимости, она выходила за рамки сферы религиозной жизни и потому придавала устойчивости социальной базе государства. И, по сути, наложение матрицы сословной организации, обеспечивающей механизмы определенной лояльности периферии империи, еще более упрочивало государственное управление. Собственно, на данной основе в истории России как полиэтничного и полирегионального государственного образования гибко сочетались традиции централизованного и унифицированного государственного управления и асимметричного государственно-территориального устройства, асимметричного государственно-территориального устройства и автономистского регионального самоуправления, имперского регионализма и общественно-территориального самоуправления в рамках местных административных систем.

Список литературы

1. **Императорская Россия и мусульманский мир: конец XVIII – начало XX в.:** сборник материалов / сост. и авт. вступит. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006.
2. **Красняков Н. И.** Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX в.: закрепление автономистской традиции в российской государственности. Екатеринбург: Урал. академия гос. службы, 2009.
3. **Красняков Н. И.** Организация управления кавказскими территориями Российской империи: XVIII – начало XX в.: обзор и основные законодательные акты. Екатеринбург: Урал. академия гос. службы, 2009.
4. **Красняков Н. И.** «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи: XVIII – начало XX в. Екатеринбург: Урал. академия гос. службы, 2006.
5. **Размышления историков о перспективах лингвистического и антропологического поворотов в изучении империи и национализма** // *Ab Imperio*. 2006. № 1.

EMPIRE STATE STRENGTHENING IN THE CONTEXT OF ITS CONNECTION WITH ETHNIC GROUPS AND TERRITORIES

Nikolai Ivanovich Krasnyakov

Department of State and Law Theory and History

Siberian Academy of Public Service

kofe51@yandex.ru

The author analyzes the logic of the state and ethnic groups' interaction process in the context of empire state administration during the period of the XVIIIth – the beginning of the XXth century, emphasizes his own approach to the understanding of the category "empire" and empire state special properties and singles out their following groups: social-economic, social, public-political, legal and social-cultural ones.

Key words and phrases: empire; ethnic groups; poly-confessionality; stratification; institutionalization.

УДК 340

Статья анализирует дефиницию «уклонение от уплаты налогов», раскрывает специфику уклонения от уплаты налогов в российском дореволюционном и современном праве и рассматривает отдельные элементы историко-правовой характеристики налоговых правонарушений.

Ключевые слова и фразы: налог; налогообложение; налоговое бремя; налогоплательщик; налоговое правонарушение; налоговое преступление; уклонение от уплаты налогов.

Игорь Александрович Кривошеев

Кафедра финансового права

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

igor_krivosheev@rambler.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ[©]

Становление и развитие системы налогообложения в России во временном континууме практически всегда коррелировало с изменениями в её политическом устройстве и с историческими вехами.

Одним из способов решения налогоплательщиком задачи уменьшения налогового бремени является уклонение от уплаты налогов.

А. В. Толкушин определяет уклонение от налогов как преднамеренное сокрытие налогоплательщиком части объекта налогообложения (доходов или имущества) от обложения налогами либо уменьшение налоговых обязательств и платежей с помощью других незаконных методов [11, с. 457]. А. Б. Барихин понимает уклонение от уплаты налогов как нелегальный путь уменьшения налоговых обязательств, основанный на уголовно наказуемом сознательном использовании метода сокрытия учета доходов и имущества от налоговых органов [1, с. 656].

Таким образом, уклонение от уплаты налогов квалифицируется как налоговое правонарушение, являющееся основанием налоговой ответственности, в сфере которой действует презумпция невиновности (добросовестности): лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Существует справедливое мнение о том, что «борьба с недобросовестными действиями налогоплательщиков должна проводиться через специальное совершенствование отдельных институтов налогового права с тем, чтобы устранить неблагоприятные последствия недобросовестных действий налогоплательщика» [13, с. 8].

В русском дореволюционном налоговом праве применялись различные виды юридической ответственности за нарушение налогового законодательства по обложению предпринимательской деятельности, но, в основном, за совершение налоговых правонарушений использовались меры административной ответственности в виде взысканий - денежных штрафов и пени. По мнению известного дореволюционного юриста Н. С. Таганцева, целью такого наказания являлась карательная функция, которая, с точки зрения теоретических положений гражданского права, обеспечивалась вознаграждением казне государства за понесенные убытки [12, с. 41].

В теории дореволюционного права было теоретически обосновано, что безнаказанность юридического лица не освобождала от ответственности тех его представителей или членов, которые непосредственно выполнили преступное деяние. И. И. Ганусенко справедливо обращал внимание на то, что часть видов налоговых правонарушений дореволюционного периода во многих случаях аналогичны нарушениям, которые предусмотрены современным налоговым законодательством России [4]. Более того, основные принципы и виды